

Литературное наследие Древней Руси

**О ПОЭТИЧЕСКИХ «НАТУРАЛИЗМАХ»
В ПЕРЕВОДАХ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»**

В. И. Максимов

Несмотря на весьма длительный опыт изучения «Слова о полку Игореве» и, казалось бы, тщательный анализ всего текста, некоторые его места в переводах выглядят довольно странно. Не всегда это, однако, ясно даже при их многократном прочтении. Возможно потому, что мы привыкли читать Памятник, не особенно вникая в конкретный смысл фраз, вполне удовлетворяясь ассоциативным восприятием. И ещё потому, что, читая перевод, мы принимаем его приблизительность как допустимую художественность. Так формируется традиционное прочтение, зачастую общепринятое, но не всегда верное. При этом в некоторых местах переводов закрепляется «незаконное» использование древнерусской лексики, в то время как читатель воспринимает значения слов в соответствии с нормами современного русского языка. Причём это касается не только поэтических переложений Памятника, но и его переводов-толкований.

Укажем два места в тексте Памятника, переводы которых на протяжении всей истории его изучения предлагают читателю излишне натуралистическое описание битв. Вот исходное описание героического поведения в бою брата Игоря, курского князя Всеволода:

«Ярь туре Всеволодъ!
Стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами,
гремлещи о шеломи мечи харалужными.
Камо Турь поскачаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
тамо лежать поганая головы Половецкыя;
поскепаны саблями калеными шеломи Оварьскыя
отъ тебе Ярь Туре Всеволоде».

Что в этом описании интересует комментаторов и переводчиков? «Мечи харалужные», «шеломы Оварьскыя» да «тёмное место», завершающее описание эпизода:

«Кая раны дорога, братіе,
забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола,
и своя милья хоти красныя Гѣбовны свѣчая и обычая?»

И вот как в результате выглядит типичный перевод этих строк:

«Яр Тур Всеволод!
Бьешься ты в первых рядах, прыщешь на воинов стрелами,
гредишь по шлемам мечами харалужными.
Куда, Тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, —
там лежат проклятые головы половецкие.
Расщеплены шлемы аварские твоими саблями калеными ...»¹

Именно так: *лежат проклятые головы*, потому что переводчиков, видимо, не очень интересуют «поганные головы половецкие», которые 200 лет, начиная с перевода первых издателей — «тамъ лежать *нечестивыя головы* Половецкія», так вот и переводятся, лишь с некоторым разнообразием за счёт вариаций эпитетов: чаще — *поганные*², реже — *нечестивые*³.

В памяти возникает картина известного батального живописца Василия Верещагина «Апофеоз войны», на которой изображён курган, сложенный из черепов. Видимо, и вокруг Всеволода должны валяться отрубленные им головы врагов. Не исключено, что такое понимание возникло под влиянием миниатюр Радзивилловой летописи: там можно видеть отрубленные головы. Но эти иллюстрации рисовали не в XII в., а несколькими столетиями позже. Непонятно только, зачем же ещё глумиться над поверженным врагом? Зачем называть эти отрубленные головы поганными, нечестивыми, проклятыми?

Задавшись этим вопросом, попытаемся выяснить, а правилен ли перевод этой фразы в целом, соответствует ли он контексту? Заглянув в словари, поймём, что в некоторых случаях древнерусская *голова* — это *убитый*. Не просто *мёртвый*, *покойник*, а именно *убитый*. Это значение слова *голова* хорошо известно из «Русской Правды»: «То вирьвноу платити, въ чьей же верви *голова* лежить». Этот термин встречается и в других древнерусских текстах.

В современном русском языке *голова* (кроме переносных значений — *ум* и «нечеловеческих» значений — *голова колонны*, *глава администрации* и т. п., а также употребления в устаревших сочетаниях вроде *выдать головой*, *заплатить головой*) — это только часть тела. Да и в комментариях к Памятнику не говорится, что слово *голова* нужно понимать в древнерусском значении.

И, видимо, несмотря на устоявшуюся традицию, переводить описание сцены яростно сражающегося Всеволода следует так:

«куда, Тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая,
там лежат (убитые) поганные половцы —
рассечены саблями калеными шлемы оварские».

А мертвы они потому, что пробиты, рассечены их шлемы. И никаких отрубленных голов. При этом в описании сохраняются правильные краски: были — поганные половцы (ср. поганья плъкы Половецкыя, поганый Половчине), стали — убитые поганные половцы. Эпитет *поганные* только подкрепляет предлагаемое толкование, поскольку многократно было сказано, что «слово заимствовано из латинского языка (*paganus* — язычник) и не имело того эмоционально-оценочного значения, которое присуще ему ныне»⁴. Поэтому термин *поганый*, по происхождению имеющий отчётливый религиозный оттенок, мог использоваться как эпитет именной (*поганый Кобяк*, *поганый кощей Кончак*, *поганый половчин*), как эпитет собирательный (*поганные полки половецкие*, *поганные толковины*), как существительное (*а поганные со всех стран*; *а поганные сами*; *на поганные*; *под кликом поганых*; *наводит поганых*), как притяжательное (*поганых саблями*) и, по-видимому, как эпитет в некоторых символических конструкциях (*кровь поганую пролить* как альтернативу *крови христиан*).

ской). Наверное, *поганой* можно было считать и душу, но вряд ли части тела — руки, ноги, головы.

Это место в Памятнике, однако, оказывается не единственным, где слово *голо-ва* традиционно понимается неверно. Не менее устойчивым оказывается отсутствие перевода слова и в описании другой битвы: на Немиге, между Всеславом Полоцким и сыновьями Ярослава Мудрого — Изяславом, Святославом и Всеволодом:

«На Немизѣ снопы стелють *головами*,
молотять че́пи харалужными,
на тоѣ́ животь кладуть,
вѣють душу отъ тѣла».

Здесь разнообразие в переводах вообще минимально: «На Немигѣ вмѣсто сноповъ стелють головы» — у первых издателей и А. Н. Мещерского; «На Немиге снопы стелют из голов» — у А. С. Орлова, Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова; «На Немиге, как снопы, стелют головы» — у А. А. Косорукова.

Для древнерусской литературы сравнение битвы и смерти на поле боя с жатвой является обычным. В трансформированном виде — «битва за хлеб», «битва за урожай» — оно дошло до нашего времени. Однако зачастую под жатвой понимаются все работы, связанные с уборкой урожая, включая работы на току — молотьбу, веяние — и даже уборку зерна в закрома. Как можно судить по фразе из «Жития Александра Невского» «Мужие, аки снопии въ день жатвы повержены», такое широкое понимание жатвы встречалось и в средние века. Поэтому вряд ли можно считать существенной ошибкой смешение *жатвы* и *молотьбы*, встречающееся в некоторых толкованиях этого места.

Тем не менее в точном смысле речь здесь идёт о молотьбе, поскольку собственно жатва, как процесс срезания колосьев и формирования снопов, приходит в противоречие с глаголом *стелют*. На жатве снопы должно ставить. Как жнут серпами? Жнец или жница берёт в одну руку пучок колосьев, а другой рукой, в которой зажат серп, срезает его под корень. И откладывает в сторону. Когда набирается довольно много таких срезанных пучков, из них формируется сноп: сначала кладётся один пучок, потом другие пучки укладываются на него поперёк, колосьями в одну сторону, срезом — в другую, и перевязываются поперёк поясом из первого пучка. Затем сноп ставится «на попа». Зачастую снопы собирают в копы или копны, по несколько десятков в каждой. Потом, когда снопы свезут с поля на ток, их расстилают перед обмолачиванием. В пользу молотьбы не только употребление глагола *стелют*, но, что весьма существенно, фольклор. Вот примеры из «Словаря» В. И. Даля (статья сноп): «Снопом, как сноп свалился»; «Падаху с мостка в ров, аки сноповъ»; «Шел я мимо поповского, видел дело таковское: лежат мужики убитые, брюха распоротые (снопы во время молотьбы)».

Автор Памятника отошёл от традиционного сравнения «битва — жатва», предпочтя ей сравнение битвы с происходящим на току как более эмоциональное и предоставляющее больше красок для описания. Так и говорит, к примеру, комментарий к третьему изданию Памятника в Большой серии библиотеки поэта:

«В данном месте “Слова” битва дружин Всеслава и Изяслава Ярославича сравнивается с молотьюбой».

В любом из вариантов — то ли жатва, то ли молотьяба — ни при чём оказываются человеческие головы, круглые, как шары, которые ни связать, ни поставить. Нельзя толковать фразу «На Немизѣ снопы стелють *головами*» в отрыве от узкого и широкого контекстов «Слова». Необходимо учитывать дальнейшее описание:

«вѣють *душу отъ тѣла*»,

которое в купе со строкой из истории юного гродненского князя Изяслава

«единъ же изрони жемчюжну *душу изъ* храбра *тѣла*
чресь злато ожереліе»

и знаменитой присказкой Бояна:

«Аще и вѣща *душа въ* друзѣ *тѣлѣ*,
нѣ часто бѣды страдаше»

формируют устойчивый дуализм *душа — тело*, но вовсе не *душа — голова*. Автор Памятника последователен; стало быть, на току (поле битвы) должны лежать *тела* убитых, а не их *головы* (в современном понимании этого слова). Здесь под *головами* автор, как и в предыдущем эпизоде, понимал (тела) убитых, (трупы) воинов, павших на поле битвы.

Характерно, что для автора «Задонщины» понимание упомянутых высказываний не было связано ни с какими трудностями. И если описанию битвы Всеволода можно лишь с натягом сопоставить фразу «пасти *трупы* человеческому на поле Куликовѣ ...», то картина «тѣжат *трупы* хрестьяньские *аки сѣнныи стоги* у Дона великого на брѣзе ...» является несомненным «дубликатом» описания битвы на Немиге.

К сожалению, следует отметить, что «Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”»⁵ в статье *голова* сразу и однозначно относит *головы Половецкие* и *стелють головами* вместе с финальной присказкой Бояна «тяжко ти *головы*, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ *головы*» к частям тела. (При этом приведённые там примеры несомненно соответствуют голове как части тела.) И это несмотря на то, что ниже присутствует понятие *убитый человек* и приведены соответствующие цитаты из «Русской Правды»: «Ажь убьеть мужь мужа, то мстити брату брата, либо отцю ... оже ли не будеть кто его мсти, то положит за *голову* 80 гривен», из Грамоты 1229 г.: «Аже будѣть свободныи человекъ убить, 10 гривенъ серебра за *голову*».

Однако, открыв в том же «Словаре-справочнике»⁶ статью *сноп*, увидим, что *в сравнениях сноп* всегда соответствует целое (человеческое) тело, а не часть его:

И бысть видѣти падающа жиды, аки снопы, со забрать.

(История Иудейской войны)

Падаху бо трупиа обоихъ странъ яко снопы — Повесть о Царьграде;

В то время упаль Соловей з девети дубов, что овсяной снопѣ.

(Былины Тихонравова)

Як узав (козак Перебійніс) ляхів, вражих синів, у снопи класти».

(Украинский фольклор)

Скорее всего, эти разногласия объясняются тем, что «Словарь-справочник», как всякий словарь, компилятивен: он только отражает существующие в литературе о Памятнике толкования слов и выражений, не претендуя на независимое их объяснение. К сожалению, более поздняя пятитомная «Энциклопедия Слова о полку Игореве»⁷ вообще не содержит статьи *голова*. По-видимому, её составители, в соответствии с установившейся традицией при переводе этого слова, решили, что *голова* — она и есть голова, и какие тут могут быть вопросы.

Следует отметить, что толкование слова *голова* в словарях древнерусского языка касательно значения *убитый* тоже выглядит недостаточно последовательным.

Так, «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)»⁸ даёт четыре основных значения слова: *голова* (*часть тела*); *единица при счёте людей*; *жизнь*; *высшая власть, глава*. При этом употребления слова в Ипатьевской летописи под 912 г. («А о *головахъ* иже ся ключють проказа урядимся сие...»), «Русской Правде» («аж оубьеть моужь моужа ... то положити за *голову* 80 гривенъ» — список 1280 г.; «вервьную платити въ которой верви *голова* лежитъ» — Мусин-Пушкинский список XIV в.), Новгородских грамотах 1189–1199 гг. («а оже оубьють новгородца посла за моремъ или нѣмецкыи посолъ Новѣгородѣ, то за *голову* 20 гривенъ серебра») и Смоленской грамоте («Аже боудѣтъ свободныи человекъ оубить, 10 гривенъ серебра за *голову*» — список А, 1229 г.) отнесены к разделу *единица при счёте людей* с пометой *об убитом*. Здесь можно отметить совпадение примеров из «Русской Правды» и Смоленской грамоты 1229 г. с приведёнными в «Словаре-справочнике».

«Словарь русского языка XI–XVII вв.»⁹ (вып. 4, 1977) даёт значение *убитый*, относя сюда употребления слова в Ипатьевской летописи под 912 г. («А о *головахъ* иже ся ключють проказа урядимся сие ... аща кто убиеть кристьяна русинь, или христьянъ русина да умереть»), «Русской Правде» («По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его ... и мужи ихъ ... и отложиша убиение за *голову*, но кунами ся выкупати.» — пространный список), Царской грамоте 1584 г. («А учинитца у них душегубство, а не доишутца, и они дадут вѣры за *голову* четыре рубли московскую»).

Самым, пожалуй, странным представляется то, что И. И. Срезневский¹⁰, указав значение *убитый* и его фонетические и смысловые аналоги в европейских языках [древнечешское *hlava* — *убитый*, древненемецкое *haubition* (от *haubit* — *голова*) — *убивать*, англосаксонское *heafodgylt*, *heafodleather* (от *heafod* — *голова*) — *убийство* — и приведя родственные слова *головникъ* — *убийца* и *головничьство* — *убийство*], тем не менее отнёс строки Памятника «На Немизѣ снопы стелють *головами*, молотять чепи харалужными» в качестве примера к обычному значению *голова* как часть тела.

Характерно, что, когда речь идёт о настоящих, человеческих головах, автор Памятника употребляет неполногласную форму слова — *глава*:

«Хощу бо, рече, копѣ приломити конецъ поля Половецкаго
съ вами Русици, хощу *главу* свою приложить,
а любо испити шеломомъ Дону»;
«и многи страны Хинова. Литва, Ятвязи, Деремела,
и Половци сулицы своя повръгоща,
а *главы* своя поклониша подѣ тыи мечи харалужныи».

То же наблюдаем и в «Задонщине»:

«Лѣтъѣти *главе* твоей на траву ковыль...»;
«поганья покрывша *главы* свои руками своими».

Понятно, что здесь имеются в виду обычные человеческие головы. А высказывание «*главы* своя поклониша подь тыи мечи харалужныи», повторённое и в «Задонщине»: «поганья ... *главы* своя подклониша под мечи руские», представляется предшественником поговорки «Повинную *голову* меч не сечёт».

Особый случай представляет упоминание головы в присказке Бояна:

«тяжко ти *головы*, кромѣ плечю;
зло ти тѣлу, кромѣ *головы*:
Руской земли безъ Игоря».

Здесь полногласная *голова*, безусловно, является частью целого организма. Однако здесь слово употребляется в переносном смысле и относится не к человеческому телу, а к «государственной» структуре. Например, Б. А. Рыбаков толкует эти понятия географически: голова — Киев, плечо — левобережье Днепра, практически утерянное из-за поражения Игоря¹¹. Кроме того, полногласная форма здесь не является авторской и обусловлена не грамматикой, а ритмикой: на то она и присказка.

Очевидно, в переводах Памятника необходимо использовать то значение слова, которое соответствует довольно прозрачному контексту: *голова* (в форме *глава*) как часть тела и *голова* — *убитый*.

Следствием отсутствия такой дифференциации в поэтических переложениях Памятника, выполненных поэтами двух столетий, являются излишне натуралистические, а в описании битвы на Немиге иной раз просто ужасающие, картины:

«Где ты, тур, ни проскачешь, шоломом златым посвечивая,
Там лежат нечестивые *головы* половецкие!»;
«На Немиге стелют снопы *головами*...»

(В. Жуковский);

«Где только Тур проскакал, золотым своим шлемом блистая,
Там уж лежат половецкие *головы*»;
«...Там на Немиге,
Стелют снопы *головами*, молотят цепями стальными...»

(М. Деларю);

«Где ты, буй-тур, ни поскачешь в битве,
Золотым посвечивая шлемом, —
Там валятся *головы* поганых»;
«Не снопы то стелют на Немиге —
Человечьи головы кидают!»

(А. Майков);

«Там и **головы** увидишь половецкие на поле»;
«А снопы-то на Немиге **из голов** там устилают»

(К. Бальмонт);

«И куда ты, буй-тур, ни поскачешь,
Где шеломом своим
Ни сверкнешь золотым,
Там лежат половецкие **головы!**»;
«Там кладут на Немиге
Снопы **из голов**,
Их стальными цепами молотят»

(С. Шервинский);

«**И слетают головы с поганных**»;
«День и ночь снопы кладут на риге,
Не снопы, а **головы** кладут»

(Н. Заболоцкий);

«куда, Тур, ни поскачешь, своим златым шеломом посвечивая,
там и лежат поганые **головы** половецкие»;
«на Немиге снопами **головы** стелют»

(В. Стеллецкий);

«**Рубит головы с плеч**»;
«На току широком не хлеба –
Человечьи головы лежали»

(Н. Рыленков);

«Там, тур, где червонный твой шлем блеснет,
Валяться башкам вповалку»

(М. Тарловский).

И если в некоторых случаях здесь ещё можно возвратиться контекстно, с учётом древнерусского значения слова **головы** — **убитые**, к пониманию фраз в соответствии с оригиналом, то в выделенных выражениях это уже невозможно. Не отличаются, по существу, от приведённых примеров переводы этих мест Памятника, выполненные А. Юговым, М. Рыльским, И. Шкляревским, А. Домниным. Единственным «утешением» может служить строка «Стелют **павших** на Немиге сноповьем» из перевода М. Тарловского, хотя поэт и не был последователен, как это видно из приведённого выше примера. Так натурализм, незаметно проникший в переводы «Слова», развился и фактически победил в его поэтических переложениях.

¹ Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова / Пер. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева и О. В. Творогова // Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, большая серия. Второе изд-е. – Л., Советский писатель, 1967. – С. 59.

² Орлов А. С. Повесть о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова // Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, большая серия. – Л., Советский писатель, 1952. – С. 69; Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве: Историко-литературный очерк. – М., Просвещение, 1976. – С. 57, 58; Лихачев Д. С. Объяснительный перевод «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. 800 лет: Сб. – М., Советский писатель, 1986. – С. 32; Лихачев Д. С. Повесть о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова // Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, малая серия. – Л., Советский писатель, 1990. – С. 75; Лихачев Д. С., Дмитриев Л. А. Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Олегова // Литература Древней Руси: Хрестоматия. – СПб.: Академический проект, 1997. – С. 155.

³ Мецкерский А. Н. Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова // Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, большая серия. Третье изд-е. – Л., Советский писатель, 1985. – С. 38; Косоруков А. А. Гений без имени. – М., Современник, 1986. – С. 224.

⁴ См., напр.: Комментарий к 3-му изданию «Слова о полку Игореве» в Большой серии Библиотеки поэта. – Л., Советский писатель, 1985. – С. 450.

⁵ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. – М.–Л.: Наука, 1965. – Вып. 1. – С. 164–166.

⁶ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. – Л.: Наука, 1978. – Вып. 5. – С. 185, 186.

⁷ Энциклопедия Слова о полку Игореве. – СПб.: Дм. Буланин, 1995. – Т. 2. – С. 38. (Ст. «Голова» должна была находиться между статьями *Голиков* и *Головенченко*).

⁸ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – М., 1989. – Т. II. – С. 348, 349.

⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1977. – Вып. 4. – С. 62–64.

¹⁰ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. – М.: Книга, 1989. – Т. 1. – Ч. 1. – Стб. 542–544.

¹¹ Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. Поиск автора Слова о полку Игореве. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 141.